

МОНАХОВ Виктор Николаевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, кандидат юридических наук, советник юстиции 1 класса, доцент (109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3; тел.: +7495-772-9590 # 23017; email: vm@48.org)

АГВЕРАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПРАВУ НАРОДОВ ЗНАТЬ — ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОДЕЙСТВИЕ И КОНТРОЛЬ ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ

Аннотация. В статье раскрываются понятие, социальная роль и значение одного из самых значимых прав формирующегося глобального информационного общества XXI века — право знать. Анализируется ряд проблем, возникающих в ходе развития этико-правового обеспечения и защиты этого права. Обосновывается вывод о необходимости наращивать усилия по поиску отвечающих реалиям глобального информационного общества институциональных форм международной инфраструктуры гражданского, общественного контроля за реализацией права знать. В том числе — разрешения возникающих в мировом информационном пространстве информационных споров и иных дел, в связи и по поводу права знать. Предлагаются к обсуждению конкретные форматы такого рода институционализации.

Ключевые слова: агверанская инициатива, право знать, общественная информационная недостаточность, информационная сверхпроводимость, цифровой информационный порядок, викилизация мирового информационного пространства, свобода выражения мнений, свобода информации, свобода массовой информации, социальные сети, глобальные интернет-платформы, глобальное информа-

ционное общество, международная палата по информационным спорам, глобальные медиа, киберпространство, цифровой гражданин, цифровая гласность.

«Наша главная задача — не ограничиваться заглядыванием в туманную даль будущего, а действовать сейчас, в направлении, которое нам уже видно».
Уильям Ослер⁸⁴

Международный принцип и детали его воплощения в жизнь

Агверанская инициатива как публичная идея существует с 12 июля 2010 г., с момента её включения в научный оборот в результате моего выступления на международной конференции «Свобода информации на Кавказе», проходившем в курортном местечке Агверан близ Еревана. В своем выступлении я обратил внимание участников конференции — моих соотечественников и зарубежных коллег по исследованию информационной сферы жизни личности, общества и государства — на доселе малозамеченные в нашей и зарубежной доктрине, но весьма общественно значимые процессуальные условия нормативного выражения международно-правового принципа свободы поиска, получения и распространения информации, являющийся неотъемлемой частью действующего права каждого человека на свободу убеждений и на свободное выражение их.

Как известно, указанный принцип получил закрепление в важнейшем международно-правовом акте XX века, заложившим основы корпуса норм, составивших совре-

⁸⁴ Уильям Ослер — канадский врач, доктор медицины, профессор. См. о нем: «Жизнь сэра Уильяма Ослера» (The Life of Sir William Osler, Hamburg: Severus Verlag, 2010 — Vol. II). Книга написана американским нейрохирургом Харви Кушингом; в 1926 г. она была удостоена Пулитцеровской премии как одна из лучших медицинских биографий XX века.

менную систему законодательства о правах человека, а именно, — в статье 19 Всеобщей декларации прав человека (Резолюция 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.).

Заключительное положение данной статьи Декларации как раз и содержит социально значимую совокупность таких условий, призванных процессуально обеспечивать реализацию *международно-правового принципа свободы поиска, получения и распространения информации*.

Первое условие этой совокупности закрепляет возможность для каждого субъекта вышеуказанных информационных правомочий в ходе их реализации использовать *«любые средства»*, а второе установило для такого рода использования *«любых средств»* поиска, получения и распространения информации *особый международно-правовой режим «независимости от государственных границ»*.

Оценивая сегодня значимость этого политико-правового концепта наших предков, мы вполне обоснованно можем метафорически квалифицировать подобное процессуальное обеспечение надлежащей реализации *международно-правового принципа свободы поиска, получения и распространения информации* в качестве своеобразного *«подарка на вырост»* от предшествующей исторической эпохи, где главным носителем информации была бумага, нам, — людям уже реально живущим в мире цифровой информации и активно формирующегося цифрового права и цифровой этики.⁸⁵

⁸⁵ См.: Федотов М. А. Конституция как символ доцифровой эпохи, М., 2003, Электронный ресурс — Режим доступа: https://unescochair.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=237 (Дата обращения 12. 04 21); Право перед вызовами технологической революции. М.: ИЗиСП, 2019.; Шахрай С. М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе. [url: http://www.isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf](http://www.isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf); Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума. [url: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html](https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html); Цифровое право: учебник /под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой — М.: Проспект, 2020.

То, что этот «подарок» de facto оказался именно *«на вырост»*, определяется тем обстоятельством, что практическое воплощение в жизнь указанных процессуальных условий реализации международно-правового принципа свободы поиска, получения и распространения информации *в условиях времени их формулирования*, в котором тяжелейшие экономические последствия Второй мировой войны продолжали остро давить о себе знать, а холодная война, породившая в США явление маккартизма, а в СССР — массированное наступление на творческую интеллигенцию, набирала обороты,⁸⁶ ни политически, ни технологически не могло быть обеспеченным.

Сразу же необходимо подчеркнуть, что как сам *международно-правовой принцип свободы поиска, получения и распространения информации*, так и вышеуказанные процедурные условия его реализации появились отнюдь не случайно, а как реакция на трагические последствия своеобразного недуга мирового сообщества того времени, который опять же метафорически можно определить как некий *общественный иммунодефицит*, в свою очередь во многом вызванный именно *общественной информационной недостаточностью*. Дело в том, что как в международных отношениях, так и во внутригосударственных, в то время первенствовала отнюдь не достоверная информация, а пропаганда.

Подобного рода политико-правовой общественный недуг сыграл свою роковую роль как в период развязывания, так и непосредственно в ходе Второй мировой войны. Уроки этой мировой бойни зримо показали, что *вопросы войны и мира в современных условиях приобрели столь важное общественное значение, что доверять дело их информационного обеспечения только политикам, только государствам, отныне уже невозможно*.

⁸⁶ См.: Кудрявцев В. Н. Свобода слова — М.: Наука, 2006. С. 68, 93–94.

В Белой книге «Ваше право знать: свобода информации», вышедшей в Лондоне в 1997 г., в качестве зачина широкого общественного обсуждения законопроекта лейбористов, ставшего через три года законом Великобритании «О свободе информации», которую подготовил к изданию один из главных творцов этого закона Д. Кларк, **право знать трактуется в качестве «самого важного» для зрелых демократий.**⁸⁷

В силу изложенных выше причин достаточно долгий период времени (почти 30 лет!) международно-правовые процессуальные условия реализации *принципа свободы поиска, получения и распространения информации*, закрепленного в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, находились практически в «спящем» правовом состоянии. И только с появлением интернета и спутникового ТВ (иногда именуемых *глобальными медиа*) у этих международно-правовых процедурных правомочий появилась *технологическая база реализации*.

Современную технологическую базу реализации подлинно планетарной *свободы поиска, получения и распространения информации* в своей совокупности, обеспечивающей **право** населяющих нашу планету **народов знать** (right-to-know⁸⁸), составляют именно *спутниковая и компьютерная коммуникации*. Которые в своем правовом опосредовании — и это принципиально важно подчеркнуть! — уже сегодня зримо вышли за пределы национальных юрисдикций, а соответствующих наднациональных юрисдикций или иных социальных регуляций в надлежащей степени пока не приобрели.

⁸⁷ Clark D. Your Right to Know: the Government's proposals for a Freedom of Information Act. L., 1997.

⁸⁸ По свидетельству известного российского исследователя японской модели «права знать» В. Н. Еремина, словосочетание «право знать» впервые было использовано одним из руководителей «Ассошиэйтед пресс» Кентом Купером в январе 1945 г. См. об этом: Еремин В. Н. Правовое регулирование деятельности СМИ в Японии // Япония мнимая и реальная: Сборник лекций по японистике, прочитанных на факультете журналистики МГУ / Под ред. Я. Н. Засурского — М., 2002. С. 154;

Именно из учета и анализа этого реально существующего глобального вызова современности во многом и исходит в своих содержательных предложениях по формированию надлежащих ответов на него так называемая *Агверанская инициатива*. Обосновывая необходимость обеспечить надлежащими правовыми, этическими и институциональными позициями и структурами уже существующую и неудержимо развивающуюся технологическую базу реализации подлинно планетарной *свободы поиска, получения и распространения информации*.

В условиях, когда человечество в технологических аспектах реализации этой свободы достаточно преуспело, наступает пора обустроить практику ее воплощения в жизнь и нормативно и институционально. Прежде всего с тем, чтобы *международно-правовой принцип свободы поиска, получения и распространения информации* в смысле своеобразного подарка середины века XX веку XX не оказался *ящиком Пандоры*. И из «вещи в себе» (каким он de facto оставался долгие десятилетия «холодной войны») постепенно, но неуклонно наращивал качества «вещи для нас»⁸⁹.

На более конкретном уровне, суть моего тогдашнего предложения заключалась в достаточно простой, правда лишь с точки зрения ее формулирования, идее следующего содержания: настало время предпринять

⁸⁹ Подчеркнем, что в данном контексте категория «нас» должна охватывать практически всё человечество. Особенно актуально это звучит в ходе переживаемого ныне периода мировой борьбы с Covid-19, в ходе которой человечество возможно впервые осознало себя в качестве общего вида живых существ. Представляется, что проблема прав человечества в целом будет и далее последовательно актуализироваться и, соответственно, нуждаться в серьезной теоретической разработке. С другой стороны, стоит отметить, что в зарубежных исследованиях уже активно обсуждается проблема создания универсального понятия гражданина для разных уровней обновляемой временем мировой инфраструктуры (гражданин сообщества, гражданин отечества, европейский гражданин, гражданин планеты, или глобальный гражданин, наконец -цифровой гражданин). См.: Варга Ч. Гражданское общество в эпоху информационного общества // Государственная служба за рубежом. Гражданское общество и право. Реферативный бюллетень. М.: Издательство РАГС, 2003. № 1 (47). С. 186.

ряд усилий и действий как в международно-правовом пространстве, так и на уровне национальных государств и гражданских обществ с тем, чтобы продекларированный в 1948 г. как некий непосредственно извлеченный из опыта развязывания Второй Мировой войны информационный «урок», международно-правовой (а ныне еще и информационно-правовой) **принцип** осуществления *свободы поиска, получения и распространения информации любыми средствами и независимо от государственных границ* обрёл качества современного социально и личностно действенного *информационно-правового института*, оснащенного современной законодательной, подзаконной и правоприменительной инфраструктурой с международно-правовым и международно-этическим статусом и поддержанием.

Иными словами, суть *Агверанской инициативы в ее исходном варианте* 2010 г. заключалась в призыве начать размышлять и по возможности действовать в направлении формирования адекватного современным технологическим и иным социальным реалиям — *цифрового по форме — мирового информационного порядка*, принципы, иные регулятивные средства, а так же соответствующие институциональные формы которого в надлежащей степени отвечали бы вызовам неудержимо расширяющихся и углубляющихся реалий глобального информационного общества и глобального информационного пространства.⁹⁰

⁹⁰ О вызовах такого рода реалий и интересных предложениях по поводу того, как ответить на них см.: Стрельцов А. А. Применение норм международного гуманитарного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве. Электронный ресурс — Режим доступа: <https://digital.report/konflikt-v-kiberprostranstve/> (Дата обращения 07.02.2021); Петров М., Бузов В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики Цифровая трансформация. Центр стратегических разработок. Апрель 2018. Электронный ресурс — Режим доступа: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/Gosudarstvo-kak-platforma-TSSR_2018.pdf (Дата обращения — 21.04.2021).

Действующая правовая база для развития права народов знать

Вполне естественно, что действие **права народов знать**, входящее в содержание ст. 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., не могло быть безграничным и абсолютным. Уже в Международном пакте о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) мировое сообщество признало (ч. 2 ст. 19), что пользование подобного рода *правом* налагает **особые обязанности и особую ответственность**. И, в соответствии с этим, оно может быть сопряжено с определенным рода *ограничениями*, которые в свою очередь должны отвечать следующим обязательным условиям:

a) должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, а также для:

b) охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения

Принятая 4 ноября 1950 г. **Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод»** в своей ст. 10 (ч. 2), также закрепила принципиально важную правовую позицию о том, что осуществление свободы информации, *во-первых*, налагает особые обязанности и ответственность, а, *во вторых*, «может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

При этом необходимо отметить, применительно к обсуждаемой нами категории «право знать», что нормы

обоих важнейших международно-правовых документов XX века (Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.), пусть и с разной степенью определённости использовали некий общий технико-правовой прием, который можно определить как *двухстадийный вариант закрепления, аффилированных друг с другом информационных прав и свобод*.

В правовом режиме первой стадии этого варианта речь идет по преимуществу о правомочиях по доступу каждого к общедоступной информации, на второй стадии — о свободе каждого на дальнейшие законные операции с нею. Иными словами, эту двухстадийность можно представить как *свободу формирования мнений и свободу их выражения*.

Такой двухстадийный вариант закрепления этих информационных норм представляется вполне обоснованным, уже хотя бы потому, что позволяет минимизировать так называемый «эффект Максима Горького» и иже с ним. Под этим «брендом» имеется в виду ситуация, при которой человек формирует определенное суждение исключительно на базе его изначального отключения от нежелательных для властей предрержащих источников информирования или даже сознательного дезинформирования.

В тех странах, где действовал или продолжает действовать «эффект Максима Горького» за гражданином может формально признаваться право свободно выражать свое мнение, но он будет либо совсем лишен либо серьезно ограничен в практической возможности свободно и полноценно формировать собственное мнение.

Увы, исторический опыт второй половины XX века заставляет нас признать, что данный, закрепленный в середине XX века нормативно правовой подход, в своем двухстадийном варианте (стадия свободного форми-

рования собственного мнения и стадия его внешнего выражения) полноценно не работал.

В частности, первые десятилетия своей деятельности Европейский Суд разрешал спорные вопросы, касающиеся по преимуществу оценки юридического качества того или иного контента, распространяемого в публичном пространстве тем лицом, на которого в ЕСПЧ поступила жалоба.

И только с модернизацией технологической базы мировой информационно-коммуникационной деятельности, чье развитие привело к появлению на мировой информационно-коммуникационной арене так называемых глобальных медиа, ситуация стала постепенно меняться.

Правовые проблемы развития глобальных медиа вынудили судей ЕСПЧ, сначала обратить внимание на правомочия каждого по доступу к общедоступной информации. А вслед за вниманием к этим вопросам, пришло понимание социальной и личностной важности свободного поиска любой социально и личностно потребной информации, не имеющей установленных законом и необходимых в демократическом обществе ограничений.

На границе двух веков и тысячелетий мировое сообщество в известном документе мирового стратегического планирования «**Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций**», принятой 8 сентября 2000 года Генеральной Ассамблеей ООН (Резолюция № A/RES/52/2) также сочло необходимым закрепить положение о том, что среди прочих средств обеспечения поддержки демократического управления мировым развитием с участием населения особая роль принадлежит свободным и открытым средствам информации.⁹¹

⁹¹ В этом контексте отнюдь не случаен тот факт, что базовые элементы Агверанской инициативы использовались Председателем Союза журналистов России Всеволодом Богдановым в ходе его выступления с три-

В ряду нормативно-правовых документов, закрепляющих базовые основы развития *права народов знать* достойное место занимает *Окинавская хартия глобального информационного общества 2000 г.*, в которой *всеобщий свободный доступ для всех и взаимобмен информацией и знаниями* сформулирован в качестве несущей идеологической конструкции данного документа и первой стимулирующей развитие человека демократической ценности, на базе которой зиждется *устойчивость* глобального информационного общества⁹².

В этом смысловом ряду нельзя не упомянуть и *Хартию открытых данных*, принятую на саммите G8 в июне 2013 г.⁹³ Положения этих документов своей основополагающей целевой установкой имеют создание и развитие надлежащих технологических, экономических, политических, правовых, этических институтов и институций, стимулирующих формирование на планете более сильных национальных и иных сообществ, которые лучше коммуницируют, взаимодействуют между собой в процессе более эффективного удовлетворения разнообразных потребностей населения планеты и создания благоприятных условий для инноваций и процветания.

Разумеется, в реальных условиях противоречивого мирового развития мы можем вполне обоснованно предполагать, что в определенных случаях в формате мирового социума, возможно применение согласованных коллективных мер электронно-цифрового *противо-*

буны ООН в Нью-Йорке в рамках проходившей в ноябре 2010 г. сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам защиты прав человека. Это было выступление в дискуссии, посвященной роли прессы в построении и поддержании демократии, прошедшей накануне отчета Спецдокладчика ООН по вопросам свободы слова Франка Ла Руе Генеральной Ассамблеи ООН.

⁹² Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник, 2000. № 8.

⁹³ Текст Хартии на русском языке доступен на сайте Экспертного центра электронного государства: Режим доступа: <http://d-russia.ru/xartiya-otkrytyx-dannyx-podpisannaya-na-vstreche-g8-opublikovana-na-russkom-yazyke.html> (Дата обращения — 06.02.2021).

действия соответствующим асоциальным, преступным проявлениям.

Наряду с социальными аспектами логика и динамика развития *цифрового мирового информационно-коммуникационного порядка* активно формирует новый *личностный* категорический императив: *желаешь остаться «человеком разумным» — стань «человеком информационно-коммуникационным»!* Ускоряющиеся и расширяющиеся потребление и производство практически каждым членом мирового социума все новой и новой информации и знаний обуславливает органичную потребность личности, а непрерывно растущие технологические возможности интерактивности дают ему эффективные средства для более эффективных информационно-коммуникационных действий, взаимодействий, противодействий.⁹⁴

Больше свобод, хороших и разных

Как известно, в период становления *общей Европы* в середине XX века стартовыми драйверами ее интеграционного развития являлись *четыре* фундаментальные экономические свободы — движения *товаров, людей, капитала, и услуг*. В условиях современного глобального информационного общества в Европейском Союзе этот каталог фундаментальных политико-экономических свобод предыдущих этапов исторического и интеграционного развития пополнился *пятой свободой* — *свободой движения информации и знаний* (free movement of knowledge).⁹⁵

Вполне вероятно, что в разворачивающуюся на наших глазах информационную эпоху именно *свобода движения*

⁹⁴ См.: [Дон Тапскотт](#), [Энтони Д. Уильямс](#), *Викиномика*. Как массовое сотрудничество изменяет все. — М.: [BestBusinessBooks](#), 2009.

⁹⁵ Подробнее см.: Монахов В. Н. Утро пятой свободы. (К проблеме формирования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 3. С. 121–135.

информации и знаний обретет статус основополагающей свободы для устойчивого развития человечества в XXI в. Ведь пока мы находимся только на пороге большого информационного мира, глобальной информационной эпохи. То, что реально ждет нас за этим порогом, нам пока даже трудно себе представить. Дело в том, что тренд, определяющий реальное содержание тех изменений, с которыми нам предстоит столкнуться за этим порогом, настолько глубокий, широкий и мощный, что большинству людей пока еще весьма затруднительно осознать его реальное содержание.

Выражаясь метафорически, по отношению к этому тренду мы во многом выступаем в роли муравья, ползущего в гору. Так же, как и он, мы пока не имеем адекватного органа системного анализа происходящих на наших глазах многочисленных точечных изменений в информационной составляющей нашей личной, общественной и государственной жизни. В этом контексте вполне вероятно, что мы, с одной стороны, являемся свидетелями конца цивилизационного супердлинного цикла развития глобального социума (чье развитие, как известно, по своей природе циклично), который, возможно, зародился столетия тому назад. С другой стороны, мы являемся свидетелями (а кто-то — и участниками) зарождения некоего нового цивилизационного супердлинного цикла развития человечества в его информационном качестве⁹⁶.

Известный канадский писатель и философ Кори Доктору (Cory Doctorow) в своем докладе «GLAM (*galleries, libraries, archives and museums*) and the Free World», представленном в феврале 2014 г. на конференции «MWF 2014: Museums and the Web», выдвинул и обосновал тезис,

⁹⁶ См. об этом: Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина Нон-фикшн, 2010. 192 с.; Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Россия — 2050: стратегия инновационного прорыва. М.: ЗАО Издательство «Экономика». 2005. 2-е, доп. изд.

что разворачивающаяся на наших глазах **информационная эра** — это, во многих смыслах, **начало истории**⁹⁷. Суждена ли этому тезису та же судьба, что и известному пророчеству Ф. Фукуямы (1989 г.), который на волне тогдашней эйфории по поводу завершения эпохи «холодной войны» заявил, что в связи с победой рынка и демократии во всем мире *история закончилась*⁹⁸?! Ответ на этот вопрос, как говорится, нам предоставит время! Но в любом случае содержательная наполненность тезиса К. Доктору о том, что, лишь поставив информацию во главу своего развития, человечество, завершило свою предисторию и открыло первую страницу своей истории, достаточно интересна и заслуживает серьезного научного и общественного внимания.

В этом контексте важно отметить, что *методологически Агверанская инициатива* как раз и базируется на попытке выявить, вычленив и осмыслить в окружающем нас *настоящем* зачатки, точки роста тех процессов и явлений, которые сформируют экономические, политические, технологические и правовые условия и тенденции развития информационной сферы жизни личности, общества и государства на ближайшие десятилетия XXI века. Причем, возвращаясь к мысли У. Эслера, вынесенной в эпиграф данной статьи, необходимо эти *точки роста* не просто выявлять, но по мере возможности уже начинать *«действовать сейчас, в направлении, которое нам уже видно»*.

При этом, базовым направлением выявления зачатков формирующихся мировых трендов развития информационной сферы жизни личности, общества и государства, на наш взгляд, должно стать осмысление представлений о сущности и направлениях развития именно **права**

⁹⁷ Электронный ресурс, Режим доступа: <http://te-st.ru/2014/04/04/museums-and-the-free-world/> (дата обращения — 06.02. 2021 г.).

⁹⁸ См. об этом: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ; Хранитель, 2007.

народа знать как важнейшего института формирующегося на наших глазах права планетарного уровня — *jus gentium глобального информационного общества*.

Это так, поскольку уже сейчас, на современном этапе личностного, общественного, государственного и технологического развития этот политико–правовой институт, получивший в свое обеспечение *надлежащую инфраструктуру глобального общественного содействия и контроля* за его реальным воплощением в нашу личную, общественную, государственную и международную деятельность может выступить в качестве достаточно эффективного *средства противодействия* исторически подтвержденной тенденции всякой власти развращать, и, прежде всего, коррупционно, ее носителей. Потенциально же, в будущем полноценно и действительно открытым обществе и государстве, этот политико-правовой институт, возможно, будет способен добиться полного искоренения проявлений этой негативной тенденции.

Возможный стартовый набор действий по реализации Агверанской инициативы

Для лучшего понимания содержания и целевой установки Агверанской инициативы представляется правильным и полезным рассмотреть и оценить входящий в её актуальное содержание стартовый набор возможных действий по воплощению данной инициативы в жизнь. Среди них, с разной степенью подробностей, отметим здесь следующие:

1. В формате первого этапа пока еще спонтанно, по преимуществу в режиме индивидуального активизма, становления реализации Агверанской инициативы стоило бы сосредоточить внимание и ресурсы на формировании международного наднационального Форума «Право знать». Базовый функционал этого Форума надлежит нацелить на объединение и координацию ресурсов и усилий того направления деятельности национальных

и наднациональных НКО (NGO), соответствующих СМИ, глобальных и локальных медиаплатформ, иных акторов общественного интереса, которое в той или иной степени затрагивает сферу реализации *права народов знать*, а также и иные значимые и существенные аспекты информационной сферы жизни личности, общества и государства.

1.1. До недавнего времени на роль технологической базы предлагаемого международного Форума «Право знать» могла бы претендовать лишь цифровая платформа Ушахиди — www.ushahidi.com. Кредо людей, объединенных этим платформенным Проектом, звучит так: *в Ушахиди мы видим мир и где все могут участвовать в создании лучшего мира*.

1.2. Однако в конце 2020 г. — начале 2021 г. ситуация с поиском надлежащей технологической базы для будущего международного Форума «Право знать» достаточно серьёзно изменилась. Причем вектор изменений направлен не на сужение, а на расширение круга вариантов такого рода технологической базы.

Серьезным триггером этих изменений явились события января 2021 г., когда в США произошёл беспрецедентный *твиттер-инцидент*, результатом которого явилась блокировка аккаунта действовавшего на тот момент президента США сначала на платформе Twitter, а затем и на платформах Facebook, Snapchat и Instagram. Ход и результаты этих событий обеспечили резкое повышение внимания властвующих мировых элит и мировой общественности к проблематике совершенствования регулятивных механизмов деятельности частных глобальных IT-технологических медийных платформ.

Практические результаты фокусировки объединённого государственно-общественного внимания к указанной проблематике не заставили себя долго ждать. В частности, достаточно перспективным примером такого результата является стартовавший в апреле 2021 г. про-

ект Евросоюза по запуску так называемой *гражданской* (от слова «гражданин») *глобальной цифровой платформы*, обладающей отличными перспективами в технологическом горизонте XXI века и ориентированной на технологическое обеспечение открытых и инклюзивных дебатов о развитии в современной Европе реальной демократии участия⁹⁹.

В формате этой новой многоязычной цифровой платформы граждане со всей Европы получают возможность выразить свое мнение по любой теме, которую они считают важной для будущего своего континента. Это позволит каждому европейцу — впервые на уровне ЕС — выдвигать в публик свои идеи общественного развития, оценивать идеи других людей, организовывать свои и участвовать в мероприятиях других.

Запуск платформы стал центральным мероприятием апрельской 2021 года общеевропейской конференции «О будущем Европы»¹⁰⁰, местом, где все участники конференции одновременно и объединены и структурно распределены, включая децентрализованные мероприятия групп европейских граждан и пленарные заседания конференции.

Представляется, что именно эта «глобальная гражданская цифровая платформа», чье развитие предполагается на рельсах «государственно-общественного партнёрства» более прочих вариантов способна обрести качества технологической базы предлагаемого нами международного Форума «Право знать».

В качестве *соучредителей наднационального Форума «Право знать»* мог бы выступить ряд уже успешно действующих в мировой информационной сфере жиз-

⁹⁹ <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/node/94375>

¹⁰⁰ Официальный хэштег конференции #TheFutureIsYours-это приглашение гражданам ЕС внести свой вклад и определить будущее ЕС: «будущее в ваших руках». Подробнее см.: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210204IPR97120/regulate-social-media-platforms-to-defend-democracy-meps-say>.

ни авторитетных неправительственных организаций (например, Transparency International, Международная федерация журналистов, Internews International, ARTICLE 19, Международный консорциум журналистских расследований (ICIJ) и журналистский Центр по расследованию коррупции и организованной преступности (OCCRP), Международный проект опытных юристов — International Senior Lawyers Project (ISLP) и тому подобные ориентированные на обеспечение информационных общественных интересов структуры.¹⁰¹

2. Формирование авторитетного международного Индекса свободы массовой информации и реализации права народов знать, технологически позволяющего предоставить каждому наиболее объективные данные о реальном, а не муляжном состоянии дел с реализацией в тех или иных странах информационных прав и свобод.

3. Формирование Международной палаты по информационным спорам. На этом предложении следует остановиться подробнее. К сожалению, уже давно не является секретом тот факт, что появление в XXI веке глобальных медиа, с одной стороны, путем практически повсеместной спутниковой, компьютерной и цифровой коммуникации, технологически обеспечившей практическую реализацию важнейшего международно-правового принципа прозрачности государственных границ для осуществления свободы поиска, получения и распространения информации, с другой стороны, привнесли с собой *новые проблемы и вызовы*. Вызовы, прежде всего, связанные с использованием глобаль-

¹⁰¹ ICIJ и OCCRP получили известность благодаря успеху, организованного ими в 2015–2016 гг. самого масштабного на сегодняшний день журналистского расследования криминальных аспектов оффшорной деятельности ряда высокопоставленных должностных лиц (в нем участвовало почти четыре сотни журналистов из 77 стран мира), ставшему известным как «панамское досье» (The Panama Papers), фигурантами которого стали дюжина бывших и нынешних мировых лидеров, больше сотни известных политиков и бизнесменов.

ных медиа в далеких и несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности, безопасности и устойчивого развития целях.

Достаточно вспомнить сюжеты по поводу датского «карикатурного скандала» 2006 г. или трагедии 7 января 2015 г. с сотрудниками парижского сатирического журнала Charlie Hebdo. Острая необходимость обсуждения формирования надлежащих ответов на вызовы негативных, асоциальных практик расширяющихся злоупотреблений свободой массовой информации в мировом информационном пространстве собрала в мае 2006 г. в Брюсселе международный colloquium «Влияние глобальных медиа на отношения между гражданами стран-участниц ОБСЕ, государств Средиземноморья и Ближнего Востока»¹⁰²

Главным пунктом повестки дня этого важного международного Форума явилась проблематика выработки действенных мер противодействия распространению по каналам глобальных медиа информации и материалов, призывающих к насилию и провоцирующих ненависть между представителями различных национальностей, религий, культур и цивилизаций.

Именно на этом Форуме впервые была озвучена и получила определенную поддержку его участников (отмечу, что ими были ответственные должностные лица, отвечающие в своих странах за безопасность в целом и информационную безопасность, в частности. Например, российская делегация состояла из депутатов Государственной Думы ФС РФ, сенаторов РФ, ответственных чиновников Правительства и Совета Безопасности Российской Федерации) идея о необходимости формирования в информационной сфере международной жизни

¹⁰² Colloquium проводился Европейским институтом исследований европейско-арабского сотрудничества и отношений стран Средиземноморья «Медея» под патронажем ОБСЕ. Автору данной статьи довелось поучаствовать в нем в качестве эксперта российской делегации.

такого органа мировой информационной справедливости с наднациональной этико-правовой юрисдикцией по рассмотрению и разрешению информационных споров как Международная палата по информационным спорам¹⁰³.

Её внёс, в ходе обсуждения необходимых стратегий противодействия распространению по каналам глобальных медиа информации и материалов, призывающих к насилию и провоцирующих ненависть между представителями различных национальностей, религий, культур и цивилизаций, тогдашний депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, член Комитета по безопасности от фракции «Единая Россия» А. Н. Волков.

Согласно российской инициативе, озвученной А. Н. Волковым, Международную палату по информационным спорам (далее — МПИС) предлагалось формировать на паритетной основе представителями государств и гражданских обществ стран — будущих участниц этого, принципиально нового для мирового информационного пространства, проекта. В частности, российский представитель заявил: «Закон и саморегулирование дополняют друг друга подобно рамке и струнам теннисной ракетки, чтобы обеспечить результат, который они не могут полностью достичь по отдельности. Но сама по себе ракетка не играет. Кто-то должен взять ее в руки и выйти на корт мировой информационной игры. Как нам представляется, таким игроком мог бы стать предлагаемый нами орган — *Международная палата по информационным спорам*».

¹⁰³ См.: Шишло А. РФ предлагает создать в рамках ОБСЕ комиссию по информационным спорам, Брюссель, 29 мая 2006, РИА Новости; Под информационными спорами в данном контексте понимаются споры, в ходе разрешения которых выясняется ответ на вопрос: в какой степени и в каких смысловых контекстах установленные национальными законами и/или иными социальными регуляциями ограничения на свободу международного информационного обмена являются социально и лично оправданными.

В основу данной российской инициативы был положен опыт деятельности таких знаковых фигур правового авангардизма отечественного информационного пространства недавнего времени (1993–2000 гг.), как Третейский информационный суд и Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ¹⁰⁴.

Представляется, что в решении проблем разрешения как внутригосударственных, так и отягощенных международным элементом информационных споров вносит свой посильный вклад и двухпалатная (состоящая из палат медиа-сообщества и медиа-аудитории) Общественная коллегия по жалобам на прессу, сформированная с участием нескольких десятков разнообразных отечественных общественных организаций, а также органов судейского и адвокатского сообществ. Общественная коллегия, действующая в информационном пространстве России с 2005 г., функционирует в качестве независимой структуры российского гражданского общества, осуществляющей саморегулирование и со-регулирование в сфере массовой информации, опираясь на авторитет сформировавших ее организаций и избранных в ее состав лиц (их — 50)¹⁰⁵.

Летом 2010 г. аналогичное по своей сути предложение о необходимости формирования Международной палаты по информационным спорам, но только применительно к евроазиатскому информационному пространству, было высказано автором данной статьи

¹⁰⁴ Подробнее см.: Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ — Под ред. А. К. Симонова, составитель А. К. Копейка — М.: «Галерея», 2002.; Третейский Информационный Суд и первые свободные выборы. Сборник нормативных актов и документов — М.: «Юридическая литература», 1994.

¹⁰⁵ С ее деятельностью, составом, правовым статусом и практикой можно познакомиться здесь: Электронный ресурс — Режим доступа: / <http://www.presscouncil.ru/> Подробнее см.: Настольная книга по мединому саморегулированию, под ред. Ю. В. Казакова и М. А. Федотова, М.: Творческий центр ЮНЕСКО. Выпуски 1–10, 2009–2020 гг.

в ходе секционного заседания на тему «Чистый Интернет»: новые возможности в развитии интеграционных процессов электронного взаимодействия и социальная ответственность в Интернете», состоявшегося в рамках 6-го Евразийского форума «Международные проблемы информационного взаимодействия и информационной безопасности» («Инфофорум-Евразия», Москва, 10 июня 2010 г.).

Итоговая резолюция Форума, утвержденная 6 сентября 2010 г., содержит важную позицию о том, что стартовым вариантом дальнейшего сотрудничества в решении сформулированных в Резолюции вопросов и проблем формирования евроазиатского сегмента сети интернета как среды цивилизованного информационного взаимодействия мог бы явиться формат специальной рабочей группы стран — постоянных участниц Евразийского форума, включающей представителей правительственных, коммерческих и общественных структур этих стран. Основной задачей этой рабочей группы должна стать организация открытых дебатов по вопросам создания, содержания и форм деятельности Международной палаты по информационным спорам, а также подготовка соответствующих рекомендаций уполномоченным органам стран — постоянных участниц Евразийского форума.

В первой половине 2011 г. в Москве под эгидой Минкомсвязи России активно работала достаточно широкая и авторитетная группа экспертов, генеральной задачей которой являлась попытка осмысления опыта (прежде всего, отечественного, но и зарубежного) появления и развития *in urbe et in mundo новой информационно-коммуникационной среды*. Одним из результатов деятельности этой группы экспертов явилось следующее предложение, вошедшее в их финальный Доклад:

«П.8. Практические шаги: предложить создать мировому сообществу надгосударственную структуру вроде Международного суда по правам человека, способную

разбираться в проблемах международного обмена информацией. Это также будет и своего рода международный арбитражный суд чести пользователя интернета; необходим международный закон (кодекс) о неприкосновенности личности; разработать в дополнение к российским законам международный свод правил о свободном доступе к информации и свободе обмена ей; инициировать серию международных конференций, в том числе на уровне ООН и ЮНЕСКО, с целью создания международных правовых документов, регулирующих деятельность интернета. Базой может стать международный кодекс использования интернета; *необходима, как минимум, юридическая дискуссия о разграничении частноправового и публично-правового в новой среде*¹⁰⁶.

Январский 2021 г. твиттер-инцидент с участием Президента США Трампа достаточно жестко напомнил миру о необходимости проведения такого рода юридической дискуссии уже в планетарном масштабе и принятия по её результатам продуманного и взвешенного решения. В идеале это должна быть кодифицированная норма.

22 ноября 2014 г. на очередном Общероссийском гражданском форуме «Диалог. Солидарность. Ответственность» в Москве среди прочих тем также обсуждалась тема *широкого гражданского контроля за реализацией права на открытый и беспрепятственный доступ граждан к общественно-значимой информации*, а итог этого обсуждения получил закрепление в принятых Форумом резолютивных предложениях, а именно, в разделе 3.4. «Доступ к информации». Здесь сказано: «Исходя из того, что значительный и непрерывно растущий потенциал интернета, других современных информационно-коммуникационных технологий, вносит серьезные кор-

¹⁰⁶ См.: коллективный доклад «Новая информационно-коммуникационная среда. Состояние, проблемы, вызовы. Попытка осмысления». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://img.rg.ru/pril/article/48/38/20/Doklad-svyaz.pdf> (Дата обращения — 12.05.2021 г.)

рективы не только в методы получения, накопления и хранения официальной информации, но и в способы получения и использования гражданами информационных ресурсов, а также, учитывая то обстоятельство, что информационно-коммуникационная среда переживает период существенных трансформаций, считаем возможным и полезным активизировать формирование на базе имеющихся инициатив международной инфраструктуры *широкого гражданского контроля за реализацией права на открытый и беспрепятственный доступ граждан к общественно-значимой информации*».

Потребность в таком органе как *Международная палата по информационным спорам* как раз и определяется необходимостью беспристрастного, объективного, разностороннего и высокопрофессионального контроля за реализацией такого права. И, прежде всего, в части соблюдения разного рода формальностей, условий и реализации соответствующих ограничений или санкций, которые необходимы в демократическом и информационном обществе в целях охраны и защиты общественно признанных публичных или частных информационных интересов.

И, в завершение сюжета о МПИС, ещё об одном полномочии, которым, с моей точки зрения, стоит наделить *Международную палату по информационным спорам*. Как представляется, именно такой орган *международной информационной справедливости* мог бы принимать в надлежащих случаях (уровня WikiLeaks, «The Panama Papers» и т.п.) юридически и этически обязывающие решения по квалификации обнародования той или иной информации ограниченного доступа, осуществленном в общественном интересе и, соответственно, по распространению на лиц его осуществивших статуса *общественного информатора*, обеспечивающего правовую защиту таким лицам, сходную с действующими во многих странах, в том числе и в России, где соот-

ветствующая программа защиты свидетелей получила законодательное закрепление¹⁰⁷.

Определенные стартовые элементы правовой защиты такого рода общественных информаторов, расширяющиеся ряды которых уже предлагают именовать 5-й властью¹⁰⁸, содержатся в ряде национальных правовых систем и в некоторых международных документах¹⁰⁹. Например, в рамках правового режима, закрепленного шведским правовым институтом, известным в мире в его английском выражении *whistle-blowing*, (в русской транскрипции — «свистящий»), шведские чиновники наделены правом публично раскрывать, в том числе передавая их на условиях конфиденциальности в СМИ, определенного рода сведения, которые стали им известны по работе или службе, даже защищенные грифом «служебная тайна».

При этом квалифицирующим признаком, позволяющим отделить «одно от другого», является именно общественная значимость раскрываемых конфиденциальных сведений. Отметим, что «свистящий» в общественных интересах шведский чиновник защищен даже от попыток узнать, кто именно «свистнул»! Эта защита настолько серьезна, что тому должностному лицу, которое приняло бы действия по расследованию, кто именно осуществил утечку «в паблик» такого рода сведений, грозит год тюремного заключения. То есть, в Швеции не просто запрещено раскрывать журналистские источники информации, как практически во всем мире, в том числе

¹⁰⁷ См.: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»;

¹⁰⁸ См.: Мирошниченко А. «Пятая власть» Ассанжа и четвертая власть СМИ, Электронный ресурс –Режим доступа: [http:// slon.ru/biz/1009125/](http://slon.ru/biz/1009125/) (дата обращения — 06.04. 2021 г.);

¹⁰⁹ См., например, Рекомендация Совета Европы № R(2000)7 Относительно права журналистов на нераскрытие своих источников информации. Электронный ресурс — Режим доступа: <http://base.garant.ru/2562863/#ixzz5TTHGXmYh/> (Дата обращения — 10.04.2021 г.)

и в России, а серьёзно наказывается (уголовным преследованием) даже сама попытка выяснить, кто именно является «свистуном».

Социально-правовой смысл института *whistle-blowing* можно выразить следующими словами: нельзя держать в секрете то, что в интересах общества должно быть разглашено. Имеется в виду, например, информация, влияющая на состояние окружающей среды или на здоровье граждан. Основным предметом разглашения в данном случае выступают те или иные общественно значимые (чаще всего в силу своей общественной опасности) сведения, характеризующие действия или бездействие государственных органов или конкретных должностных лиц.

В Российской Федерации правовой режим конфиденциальности источника журналистской информации свое развернутое закрепление получил в нормах статей 41 (ч. 2) и ст. 49 (абз. 4 ч. 1) Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», заложив тем самым законодательную базу для закрепления в действующей Конституции России правового института «свидетельского иммунитета» (ч. 2 ст. 51 Конституции РФ предусматривает возможность для определенных категорий лиц получать в установленном федеральном законе порядке освобождение от обязанности давать свидетельские показания) и гарантированности свободы массовой информации (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ).

Такого рода правовые иммунитеты получили свое развитие не только в Европе, но и на американском континенте. Так, в мае 2006 г. в США апелляционным судом г. Сан-Хосе (штат Калифорния) создан значимый судебный прецедент, в соответствии с которым калифорнийские блогеры получили право не раскрывать свои источники информации, как и журналисты печатных изданий, поскольку они пользуются защитой Первой поправки к Конституции США, а их веб-сайты находятся под защитой закона штата Калифорния, сохраняющего

конфиденциальность источников журналистов.

Одним из направлений реализации Агверанской инициативы предполагаются действия по обобщению соответствующей мировой практики и выработке рекомендаций по дальнейшему совершенствованию правового режима конфиденциальности источника журналистской и приравненным к ним специальным субъектам информации. В том числе в смысле обретения этим правовым режимом качеств адекватности и сбалансированности современным информационным потребностям и интересам личности, общества и государства.

Наряду с обеспечением конфиденциальности источника медийной информации, указанное обобщение соответствующей мировой практики предполагает исследования по проблеме формирования оптимального механизма правовой защиты общественных информаторов, сходного с уже упомянутой программой защиты свидетелей. Ведь как в деятельности профессиональных журналистов, так и в практике блогеров, выступающих в роли общественных информаторов, достаточно значимое место занимает выражение и защита *общественных интересов*. А чем полнее и адекватнее общественные интересы представлены в содержании актуальной повестки дня данного государства, тем более эффективным, социальным и сервисным становится это государство. Причем, эта взаимосвязь действует как в условиях классического «бумажного» государства, так и в условиях современного «цифрового» или платформенного государства¹¹⁰.

¹¹⁰ Концепт «Государства как Платформы», понимаемого как постоянные трансформации государственного управления с эффективным использованием возможностей, предоставляемых новейшими технологиями, в отечественном доктринальном и нормативном обороте появилась в 2017 г. См.: Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство-как-Платформа, (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация — М.: Центр стратегических разработок. 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/Gosudarstvo-kak-platforma-TSSR_2018.pdf (дата обращения — 12.04.2021 г.)

Почему эта инициатива актуализируется именно сейчас?

Дело в том, что именно сейчас, по нашему мнению, происходит активное сочетание действия, как минимум, трех факторов, драйверов этого процесса.

1. Наличие легитимной международно-правовой базы, серьезно ограничивающей национальное государство в его возможном стремлении жестко контролировать информационные меню своих граждан и закрепившей право каждого выбирать свое информационные меню *независимо от государственных границ* (ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г).

2) Наличие развитой технологической и технической базы, реально обеспечивающей этой во многом «спящей» публично-правовой норме возможность реально воплощаться в жизни.

3) Появление острой общественной необходимости контролировать и воздействовать на реальное воплощение в жизнь и на поступательное развитие **права народа знать** в формате уже не национального, а глобального информационного общества. Тому хороший пример — упоминаемый нами *твиттер-инцидент* в США января 2021 г., когда частная медийная IT-компания *de facto* серьёзно ограничила право высшего должностного лица этого государства как на распространение информации привычным ему способом, так и на цифровую коммуникацию с миллионами его избирателей.

В частности, этот *твиттер-инцидент* весьма ярко и зримо показал всему миру, что необходимость формирования наднациональных регулятивных норм и механизмов по модерации контента глобальных соцсетей и медийных платформ приобретает насущный и безотлагательный характер.

Если верна старая мысль о том, что словами закона мы пытаемся разговаривать со своим будущим, то

как национальный, так и мировой законодатель не должны уподобляться тем генералам, которые готовятся не к будущей, а к прошедшей войне. Напротив, они должны уметь увидеть в настоящем состоянии общественных отношений зачатки тех явлений, которые формируют экономические и политические условия и тенденции развития в данной сфере общественных отношений на многие годы вперед. Увидеть и постараться обеспечить надлежащий организационно-правовой и организационно-этический режим их развития.

Новая информационно-коммуникационная реальность как фактор развития права народа знать

Значительный и непрерывно растущий потенциал развития интернета, иных современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающий повсеместное распространение контента посредством глобальных платформенных медиа внёс и продолжает вносить серьезные коррективы не только в методы получения, накопления и хранения разнообразной официальной информации, находящейся в распоряжении публичных властей, но и в способы использования гражданами получаемых таким образом информационных ресурсов. Прежде всего, это касается, расширения и углубления возможностей граждан, каждого пользователя всемирной Сети на повсеместное распространение разнообразной информации, сведений и материалов, тем или иным образом касающихся государственных, общественных и — теперь уже все реальнее — общепланетарных дел.

Уже в 2011 г. в коллективном докладе «Новая информационно-коммуникационная среда. Состояние, проблемы, вызовы. Попытка осмысления»¹¹¹, подготовленном по заказу Минкомсвязи России широким составом

¹¹¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://img.rg.ru/pril/article/48/38/20/Doklad-svyaz.pdf> (Дата обращения — 12.05.2021 г.)

экспертов (включая и автора данной статьи), отмечалось, что сфера отечественных медиа (информационно-коммуникационная среда) переживает период существенных изменений. В частности, преимущественно одноканальная система распространения информации радикально меняет свою топологию, превращаясь в многомерное информационно-коммуникационное сообщество, в котором каждый может общаться с каждым или со всеми или некоторыми. Одновременно возникают совершенно новые феномены, прежде никогда не существовавшие: социальные сети, индивидуальные масс-медиа и т.д.

Прогностическая часть доклада ограничивалась предстоящим десятилетием, то есть периодом до 2021 г. В этом контексте, его авторами предсказывалось — и сегодня мы это видим и ощущаем наяву, — что «возможность влияния на общественное мнение превращается в значимый сегмент мировой экономики и весомый фактор развития социально-политических систем, способный в значительной степени определять характер общественного устройства, способы формирования социальных обществ и их взаимодействия с государственными институтами, формы организации экономической активности, типы и принципы занятости населения, образ жизни и социальные установки значительной части общества».

В силу этого все более социально потребным становится *новый категорический императив глобального информационного общества*: ускоренное формирование адекватного правового, этического и институционального ответа на вызовы, связанные с внедрением новейших информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих открытость и прозрачность процессов публичного властвования уже надгосударственного, глобального уровня.

Дело в том, что результаты такого рода внедрения, с одной стороны, позволяют национальным гражданам

ским обществам более эффективно контролировать свои публичные власти, наращивать качество информационного взаимодействия граждан и органов публичной власти. При этом, *новые технологии открытости и прозрачности* зримо обретают качества новых демократических каналов общения публичных властей с гражданами.

Однако, с другой стороны, возникают вполне реальные опасности нелегитимного, незаконного и(или) предосудительного использования результатов внедрения *новых технологий открытости и прозрачности*.

Исторически первым событием этого дискурса, сконцентрировавшим в себе основные черты вышеказанных противоречивых социально-технологических и социально-информационных процессов, стало размещение в 2010 г. на интернет-портале WikiLeaks не предназначенных к огласке документов и материалов о военных действиях государств военно-политической коалиции под руководством США в Афганистане и Ираке: «Афганское и Иракское досье».

За истекшее с тех пор время на базе именно этого события формируется, постепенно обретая зримые черты и набирая силу, мировое политико-информационное явление, которое условно можно именовать «*викилизацией мирового информационного пространства*»¹¹².

С технологической и организационно-правовой точки зрения *викилизация* — это социально-информационное явление, представляющее собой применение специального формата электронной социальной сети или платформы, предназначенной для максимально возможной (в данных условиях места и времени) минимизации раскрытия инсайдеров национальных и транснациональных правительственных, военных или корпоративных структур, которые

¹¹² См.: Монахов В. Н. «Викилизация» как новый инструмент права знать // Информационное общество: проблемы развития законодательства. Сборник научных работ ИГП РАН — М.: ИГП РАН, изд-во «Юркомпани». 2012. С. 206–218.

решаются *придать огласке определенные, доселе ограниченные в доступе сведения, как правило финансового, антикоррупционного характера*.

Сущностной стороной викилизации является расширение и углубление применения специальных инфотехнологических и организационно-правовых механизмов сбора и/или получения как нелегального, так и легального общественно значимого контента (информация, сведения, данные), для его последующего широкого распространения в целях повышения социально оправданного влияния на принятие общественно значимых решений как на национальном, так и на надгосударственном, глобальном уровне.

Уже сегодня, а тем более завтра, такого рода информация, сведения и данные все чаще становятся специфическим объектом интереса личности, общества, государства и их институций, а потому — особым предметом деятельности и социальных отношений, а, следовательно, особым предметом правовых и соответствующих профессионально-этических отношений.

Представляется, что *викилизация мирового информационного пространства* ощутимо меняет уровень прозрачности реализации функций публичной власти в сегодняшнем мире, позволяя ставить вопрос о возникновении **эпохи новой гласности**, цифровой по форме и устроенной в отличии от ее оффлайновой версии по преимуществу горизонтально, а не вертикально¹¹³.

В эту эпоху отнюдь не новая максима о том, что миром правит именно информация получает новое, на сей раз «цифро-платформенное» подтверждение своей истинности. Но за это подтверждение миру приходит-

¹¹³ Benedek W., Kettemann M. C. Freedom of expression and the internet (Updated and revised 2nd edition).— 2020; Монахов В. Н. Гласность как предмет регулирования и реформирования: на пороге эпохи цифровой гласности // Российские реформы: взгляд из 2017 года: коллективная монография / под ред. А. Ю. Сунгурова.— СПб.: Норма, Межрегиональный гуманитарно-политологический центр «Стратегия». 2018. С. 20–31.

ся платить свою цену, поскольку оно сопровождается новым глобальным вызовом, которому человечество должно достаточно оперативно сформулировать надлежащий нормативно — регулятивный и институциональный ответ.

Дело в том, что *информация* в наши дни решительно обновляет свою инфраструктуру, обеспечивающую её «властный» потенциал. Классические акторы этой инфраструктуры в виде печати, телевидения и радио все решительнее заменяются новыми, прежде не существовавшими, в формате социальных сетей и глобальных IT-технологических медийных платформ.

Как отмечают в своих исследованиях отечественные эксперты, число пользователей крупнейших социальных сетей Facebook, WhatsApp, Youtube уже в 2018 году перешли рубеж в *миллиард пользователей* и тем самым уже фактически обрели мировую монополию на информацию. Капитализация компаний, активно использующих цифровые платформы, уже в 2016 году вытеснила с первых мест таких классических индустриальных гигантов как General Electric, Exxon Mobile, Shell и др.¹¹⁴

По мере вхождения человечества в свой очередной информационный цикл, примерно охватывающий первые десятилетия XXI века, постепенно формируется, набирает институциональный и регулятивный потенциал исторически самая «юная» информационно-коммуникационная свобода — свобода сетевой (онлайновой) информации и коммуникации¹¹⁵. Так же, как и предыдущие (свобода слова, печати, теле и радиовещания),

¹¹⁴ См.: Месропян В., первый заместитель руководителя Проектного офиса по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Цифровые платформы — новая рыночная власть. — М.: 2018. Электронный ресурс, Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment> (Дата обращения — 21.04.2021 г.).

¹¹⁵ См.: Монахов В. Н. Первая онлайн-информационная свобода. Бэкграунд. Современное состояние. Перспективы развития. // Труды по интеллектуальной собственности. № 3 (том XXXIV). 2018. С. 5–56.

она по мере своего «взросления» и вхождения в жизнь мирового, национальных и региональных социумов требует определенного апгрейда своих социальных регулятивных механизмов.

Особую остроту и актуальность эта потребность в обновлении регулятивных механизмов *свободы сетевой (онлайновой) информации и коммуникации* была продемонстрирована в период пандемии. В частности, в аспекте тематики совершенствования регулирования деятельности частных глобальных IT-технологических медийных платформ. Эта тематика в 2020–2021 гг. прочно заняла ведущие позиции в мировой повестке дня. Как в политической, так и в правовой и правозащитной её частях.

В частности, именно этой тематике было посвящено пленарное заседание Европарламента, состоявшееся 10 февраля 2021 г. под сопредседательством госсекретаря по европейским делам ЕС Анны Пауле Закариас и вице-президента Европейской комиссии Веры Журовой¹¹⁶. Центральной темой этого заседания Европарламента явилась констатация наличия, последствия и выработка мер разрешения той неоспоримой проблемы, в формате которой ускоряющаяся цифровизация и платформизация европейского общества и экономики сформировала ситуацию, при которой *несколько глобальных платформ de facto* получили возможность контролировать критически важные экосистемы цифровой экономики и общественной жизни европейского континента.

По словам европарламентариев, выступавших на этом заседании, такие платформы превратились в неких привратников на цифровых рынках, наделенных властью действовать как частные законодатели. При этом применяемые ими правила и нормы зачастую приводят

¹¹⁶ См.: Электронный ресурс, Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210204IPR97120/regulate-social-media-platforms-to-defend-democracy-meps-say> (Дата обращения — 24.04.2021).

к несправедливым условиям для бизнеса, использующего эти платформы. А также уменьшают выбор для потребителей их услуг, в том числе информационных.

В ходе этой сессии евродепутаты также отмечали, что ещё в октябре 2020 года в своих рекомендациях по обсуждаемому тогда проекту директивы ЕС «О цифровых услугах» (DSA) Европарламент подчеркивал, что ответственность за обеспечение соблюдения норм данного закона должна лежать на государственных органах и что решения по базовым цифровым услугам в конечном счете должны приниматься независимой судебной властью, а не частными коммерческими организациями.

Доминирующим нарративом пленарного заседания Европарламента, состоявшееся 10 февраля 2021 г., явился практически единодушный призыв его участников к срочному формированию в объединённой Европе системного демократического надзора за деятельностью глобальных ИТ-платформ, и, прежде всего, медийных, чтобы надежно защитить как свободу формирования мнений, так и свободу их выражения на континенте в цифровую эпоху.

В итоге указанная сессия Европарламента сформулировала общее предписание Европейской комиссии обновить законодательство, регулирующие цифровые услуги в ЕС. В частности, обратив особое внимание на демократически ориентированную регуляцию цифровых общественных отношений в разрабатываемом в рамках «Стратегии формирования цифрового будущего Европы до 2030 г.» пакете законов ЕС «О цифровых услугах» (DSA) и «О цифровых рынках» (DMA), а также в рамках Плана предстоящих действий в области демократии.

В этом контексте представляет определенный прагматически-методический интерес позиция, представленная Э. П. Оби, — исполнительным председателем Консультативного совета международной неправитель-

ственной организации Global Partners Digital¹¹⁷. Этот эксперт считает, что в современном мире действуют три превалирующих на сегодняшний день модели такого рода регулирования. А именно: американская, китайская и европейская. Поскольку, с его точки зрения, базовым содержанием действующей *американской модели* является её нацеленность на обеспечение, прежде всего, коммерческих интересов американских ИТ-компаний, а *китайской* — интересов авторитарного правительства, то, по мнению эксперта, наиболее привлекательной для демократических правительств, стремящихся сохранить открытый рынок цифровых услуг при одновременной защите информационных прав и свобод граждан, является *европейская модель*.

Как представляется, такого рода видение происхождения на мировой цифровой арене вполне адекватно, конструктивно и перспективно. Это видение может послужить определённой основой для выработки в будущем более широкого, уже сегодня социально и технологически потребного механизма, глобального, международного и наднационального уровня регулирования соответствующего круга информационно-коммуникационных отношений. В этом контексте представляется целесообразным осуществить определенный «апгрейт» норм Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а также Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Базовым содержанием такого обновления должно явиться обеспечение гармоничного включения новых и развитие имеющихся (например, *свободы искать, получать и распространять* всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, закреплённую в ст. 19 указанного Международного пакта) особенностей реализации и защиты прав и свобод человека в цифровой, платформен-

¹¹⁷ См.: Электронный ресурс, Режим доступа: <https://www.gp-digital.org/> (Дата обращения — 24.04.2021).

ной среде. Тем самым можно будет исключить ложную дихотомию между онлайн и оффлайн сферами нашей жизни и сформулировать новые регуляции, гармонично и полно охватывающие все аспекты человеческой жизнедеятельности.

Еще одним важным аспектом в дискурсе «новая информационно-коммуникационная реальность как фактор развития права народа знать» является деятельность такого международного актора как *Международное Партнерство Открытых правительств*. Так получилось, что ровно через год после публичного представления *Агверанской инициативы*, 12 июля 2011 года в Вашингтоне была представлена международная инициатива ряда правительств — Open Government Partnership (далее — OGP) — Партнерство Открытых правительств. Инициатором создания такого партнерства выступил тогдашний президент США Барак Обама.

Вместе с США восьмерку стран — учредителей Партнерства Открытых правительств составили Бразилия, Великобритания, Индонезия, Мексика, Норвегия, Филиппины, Южно-Африканская Республика. Участники инициативы призвали к построению в каждой стране открытого подотчетного государства с развитым гражданским обществом. Присоединиться к программе может любое государство, которое разработает собственный план действий в рамках OGP и примет на себя обязательство обеспечить условия для открытого и свободного доступа к информации в своей стране, снизить уровень коррупции, укрепить связь с гражданским обществом и обеспечить возможность гражданского участия в управлении государством с использованием новейших технологий.

К настоящему времени к стартовой восьмерке стран-учредителей OGP присоединилось еще семьдесят стран и постоянно растущее число местных сообществ, которые работают вместе с тысячами организаций гражданского общества. Каждые два года каждый член OGP

представляет план действий, разработанный совместно с гражданским обществом, в котором излагаются конкретные обязательства по повышению прозрачности, подотчетности и участия общественности в управлении.

Весной 2012 г. Россия официально начала процедуру вступления в Партнерство с намерением завершить его к октябрю 2013 г. Была инициирована и началась разработка Национального Плана действий, направленных на решение конкретных проблем открытости системы отечественного государственного управления. Этот План должен был приниматься на правительственном уровне, но в его разработке предполагалось широкое участие представителей российского гражданского общества. Однако, к сожалению, этим планам не суждено было осуществиться, и Российская Федерация до сих пор не входит в Партнерство стран информационно открытых правлений¹¹⁸.

Выводы

Некоторые итоги вышеизложенного целесообразно представить в виде следующих рабочих выводов и/или гипотез, а также предложений *de lege lata* и *de lege ferenda*.

1. Базовый нарратив Агверанской инициативы можно выразить следующей максимой, построенной на перефразировке известного афоризма экс-генсека ООН Бутроса Гали, сказавшего, что *«мир чересчур важен, чтобы доверять его одним только государствам»*. Приверженцы этой инициативы уверены в том, в наши дни *«информация чересчур важна, чтобы доверять вопросы её доступности и достоверности одним только государствам»*. Проблема совершенствования правового и этического регулирования отношений, связанных с реализацией права народа знать, свободой массовой информации,

¹¹⁸ Электронный ресурс, Режим доступа: <https://www.opengovpartnership.org/members/> (Дата обращения — 11.04.2021).

входит в число основных проблем современного миропорядка.

2. Наступает время, когда необходимо обеспечить надлежащими правовыми, этическими и институциональными позициями и структурами уже существующую и неудержимо развивающуюся технологическую базу реализации подлинно планетарной свободы поиска, получения и распространения информации, обеспечивающей *право народа знать*.

3. Комплекс соответствующих правомочий, нацеленных на обеспечение информационной открытости как национальных, так и мирового политического, правового и экономического процессов, в своей совокупности образует общее *право народа знать* — одно из самых значимых, фундаментальных прав формирующегося глобального информационного общества XXI в. и третьего тысячелетия человеческой цивилизации.

4. Только через активное формирование международной инфраструктуры широкого гражданского контроля за реализацией права народа знать и свободы массовой информации, как эффективного противодействия тенденции всякой власти развращать ее носителей, возможно постепенное превращение этого права и свободы из *вещи в себе в вещь для нас*.

5. Настало время предпринять ряд усилий и действий как в международно-правовом пространстве, так и на уровне национальных государств и гражданских обществ с тем, чтобы продекларированный в 1948 г. как некий непосредственно извлеченный из опыта развязывания Второй Мировой войны информационный «урок», международно-правовой (а ныне еще и информационно-правовой) **принцип** осуществления *свободы поиска, получения и распространения информации любыми средствами и независимо от государственных границ*, обрёл качества современного социально и личностно действенного информационно-правового **института**, оснащенного

современной законодательной, подзаконной и правоприменительной инфраструктурой с международно-правовым и международно-этическим статусом и поддержанием.

6. Только в этом правовом состоянии — *не просто принципа, а института* — право народа знать и свобода массовой информации обретают возможность действительно, эффективно способствовать последовательному продвижению в направлении так необходимого миру *устойчивого развития*, к формированию во всех странах планеты демократической ответственной публичной власти и сильного гражданского общества, сформированных на началах разумного и развитого баланса между вертикалью государства и горизонталью общества.

7. За сравнительно короткий срок современные информационно-коммуникационные технологии и, прежде всего, социальные сети, глобальные цифровые платформы существенно развили свой потенциал в качестве средств технологически расширяющих традиционные рамки свободы слова, иных форм выражения мнений, реализации права народа знать и будут дальше поступательно развиваться на основе тех тенденций, которые закладываются сейчас.

8. Выявляемые в ходе такого развития проблемные моменты регулирования онлайн-информационных отношений, обеспечивающих реализацию права народа знать, надлежит поступательно изживать, стремясь закреплять в нормах права и этических документах (эти отношения априорно требуют полинормативного регулирования, моонормативность в их регулировании не эффективна, а в ряде случаев — социально ущербна) те социальные нормы, которые максимально отвечают ожиданиям участников отечественных сетевых информационных отношений и соответствуют общепризнанным передовым мировым стандартам в этом сегменте регулирования общественных отношений.

9. Как представляется, именно такое видение происходящего на мировой цифровой арене с точки зрения построения надлежащей системы её социального регулирования вполне адекватно, конструктивно и перспективно. Это видение может послужить определённой основой для выработки в будущем более широкого и уже сегодня социально и технологически потребного механизма, глобального, международного и наднационального регулирования соответствующего круга информационно-коммуникационных отношений.

10. Наиболее целесообразной формой реализации такого формата социального регулирования, на наш взгляд, мог бы явиться определённый «апгрейт» норм Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а также Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Содержанием такого «апгрейта» должно явиться обеспечение гармоничного включения новых и развитие имеющихся (например, свободы искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, закреплённую в ст. 19 указанного Международного пакта) особенностей реализации и защиты прав и свобод человека в виртуальной среде. Тем самым будет исключена ложная дихотомия между онлайн- и оффлайн-сферами нашей жизни и сформулированы новые регуляции, комплексно охватывающие все аспекты человеческой жизнедеятельности.

11. Акцент различных форматов социальной регуляции онлайн-информационных отношений, направленных на их развитие, должен делаться не на росте ограничений основных сетевых свобод, а на повышении ответственности и обеспечении реальной неотвратимости наказания за злоупотребление этими свободами.

12. Необходимы дальнейшие активные комплексные, междисциплинарные научные исследования формирующихся мировых трендов развития информационной сферы жизни личности, общества и государства. В ходе

этих исследований особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделять осмыслению представлений о сущности и направлениях развития именно *права народа знать* как важнейшего института формирующегося на наших глазах права планетарного уровня — *jus gentium* глобального информационного общества.

13. Необходимо продолжать поиск и разработку более эффективных схем и алгоритмов осуществления правового и этического регулирования отношений по адекватному включению реализации права народа знать в социально и лично полезный ход информационно-коммуникационной революции, с тем, чтобы наша страна в постковидном мире XXI века последовательно обретала и развивала качества страны — равноправного и полноценного соучредителя *нового мирового информационного порядка* в связи и по поводу широких повесток дня цифровой реализации права народа знать, направленного на более активное и плодотворное использование потенциала личности, общества и государства.

14. Необходимо наращивание международных ресурсов и интеллектуальных усилий по поиску отвечающих вызовам реалий глобального информационного общества соответствующих международно-правовых, информационно-правовых, этических, доктринальных, законодательных и институциональных новаций, призванных адекватно ответить на вызовы современности. И, прежде всего, позволяющих действенно купировать уже проявляющиеся (вспомним еще раз кратко описанный нами здесь твиттер-инцидент января 2021 г.) родовые дефекты происходящей на наших глазах платформенной экосистемной трансформации как мировой, так и отечественной государственности. В силу этого придется, видимо, коллективно поразмышлять над формулированием адекватных новой технологической реальности принципов и норм организации и деятельности государства и системы публичной власти вообще.

Библиографический список:

- 1 Барлоу Д. Декларация независимости киберпространства. — Электронный ресурс — Режим доступа: (<https://www.eff.org/cyberspace-independence>).
- 2 Бачило И.Л., Андриященко Е.А., Антопольский А.А., Демьянец М.В., Жарова А.К., Монахов В.Н., Пискунова Е.В., Семилетов С.И., Сергиенко Л.А. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. — М.: ИГП РАН; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2014.
- 3 Войниканис Е.А., Якушев М.В. Информация. Собственность. Интернет — традиции и новеллы в современном мире. — М., 2004.
- 4 Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия. 2-е изд. — М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2013.
- 5 Вопросы и ответы по закону «О цифровых услугах» — http://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_20_2348
- 6 Вопросы и ответы по закону «О цифровых рынках» — https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_20_2349
- 7 Глоссарий закона «О цифровых услугах» — <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/glossary-digital-services-act>
- 8 Засурский И., Харитонов В. Информационная сверхпроводимость: авторское право как инструмент развития — М., Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2017.
- 9 Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. Под ред. А.К. Симонова, составитель А.К. Копейка. — М.: «Галерея». 2002.
- 10 Как онлайн-платформы формируют нашу жизнь и бизнес? — <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/how-do-online-platforms-shape-our-lives-and-businesses-brochure>
- 11 Краткий отчет об открытых публичных консультациях по пакету закона «О цифровых услугах» — <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/summary-report-open-public-consultation-digital-services-act-package>
- 12 Монахов В.Н. Место и роль структур гражданского общества в реализации конституционного института свободы массовой информации. // Информационное право и становление основ гражданского общества в России. Материалы теоретического семинара по информационному праву 2007 г. Под ред. засл. юриста РФ, д.ю.н., проф. Бачило И.Л. — М.: ИГП РАН. 2008. С. 36–60.
- 13 Монахов В.Н. Как защитить защитника? // Информационное общество и социальное государство. Сборник научных работ ИГП РАН. — М.: «У Никитских ворот». 2011. С. 129–144.
- 14 Монахов В.Н. «Викилизация» как новый инструмент права знать // Информационное общество: проблемы развития законодательства. Сборник научных работ ИГП РАН. — М.: ИГП РАН, научно-издательская группа «Юркомпани». 2012. С. 206–218.
- 15 Монахов В.Н. Социальные сети как объект регулирования. // Эволюция государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества. Сборник научных работ ИГП РАН. — М.: ИГП РАН, научно-издательская группа «Юркомпани», 2012. С. 199–215.
- 16 Монахов В.Н. Авторское право как фактор становления библиотечного дела 2.0. Есть ли шанс для гармонии? // Право на доступ к информации: возможности и ограничения в электронной среде: сборник материалов международной научно-практической конференции [науч. ред.: Н.А. Шевелева, д.ю.н., проф.]. — Санкт-Петербург: ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина», вып. 2, 2012.
- 17 Монахов В.Н. Агверанская инициатива. Право народа знать в цифровую эпоху. Как его обеспечить? // Энциклопедия жизни современной российской журналистики. В 2-х т. Издание Союза журналистов России. Т. 2. Формула доверия: новая стратегия общественного диалога. — М. 2013. С. 8–45.
- 18 Монахов В.Н. Авторские права как проблема развития. Поиск ответов на вызовы цифровой эпохи. // Авторское право: библиотеки, издательства и потребители информации в XXI веке: материалы научно-практического семинара, Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2013 г. / Рос. нац. б-ка, Рос. библиотеч. ассоц.; сост.: Е.И. Борисова, В.В. Мещерякова. — СПб: Рос. нац. б-ка. 2014. С. 13–37.
- 19 Монахов В.Н. Утро пятой свободы. (К проблеме формирования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития). // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 3. 2014. С. 121–135.
- 20 Монахов В.Н. Законодательство о свободе массовой информации в его историческом развитии. // Систематизация и кодификация информационного законодательства. Сборник научных работ ИГП РАН. — М.: ИГП РАН. 2015. С. 120–133.
- 21 Монахов В.Н. Свобода массовой информации в глобальном информационном обществе. Некоторые особенности реализации и регулирования. // Труды по интеллектуальной собственности. № 1 (том XXIV). 2016. С. 18–28.
- 22 Монахов В.Н. Первая онлайн-информационная свобода. Бэкграунд. Современное состояние. Перспективы развития. // Труды по интеллектуальной собственности. № 3 (том XXXIV). 2018. С. 5–56.

- 23 Монахов В. Н. Гласность как предмет регулирования и реформирования: на пороге эпохи цифровой гласности. // Российские реформы: взгляд из 2017 года: коллективная монография / под ред. А. Ю. Сунгурова. — СПб.: Норма, Межрегиональный гуманитарно-политологический центр «Стратегия». 2018. С. 20–31.
- 24 Открытые публичные консультации по пакету закона «О цифровых услугах» — <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12417-Digital-Services-Act-deepening-the-Internal-Market-and-clarifying-responsibilities-for-digital-services-public-consultation>
- 25 Открытые публичные консультации по инструменту конкуренции — https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12416-New-competition-tool/public-consultation_ru
- 26 Оценка воздействия предложения по закону «О цифровых услугах» — <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/impact-assessment-digital-services-act>
- 27 Оценка воздействия предложения по закону «О цифровых рынках» — https://ec.europa.eu/competition/sectors/ICT/digital_markets_act.html
- 28 Первоначальные оценки воздействия на закон «О цифровых услугах» — <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12417-Digital-Services-Act-deepening-the-Internal-Market-and-clarifying-responsibilities-for-digital-services>
- 29 Первоначальные оценки воздействия на инструмент Ex Ante — <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12418-Digital-Services-Act-package-ex-ante-regulatory-instrument-of-very-large-online-platforms-acting-as-gatekeepers>
- 30 Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как Платформа, (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. — М.: Центр стратегических разработок. 2018. Электронный ресурс — Режим доступа: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/Gosudarstvo-kak-platforma-TSSR_2018.pdf//
- 31 Поннер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Пер. с англ. под. ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992.
- 32 Предложение по закону «О цифровых услугах» — <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/proposal-regulation-european-parliament-and-council-single-market-digital-services-digital>
- 33 Предложение по закону «О цифровых рынках» — https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/proposal-regulation-single-market-digital-services-digital-services-act_en.pdf
- 34 Свобода массовой информации в Интернете. Правовые условия реализации. Сост. — проф. В. Н. Монахов. Ответ. ред.: А. К. Симонов, М. В. Горбаневский. — М. 2005.
- 35 Стрельцов А. А. Применение норм международного гуманитарного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве. Электронный ресурс — Режим доступа: <https://digital.report/konflikt-v-kiberprostranstve/> (Дата обращения — 03.12.2017);
- 36 Третьейский Информационный Суд и первые свободные выборы. Сборник нормативных актов и документов — М.: «Юридическая литература», 1994.
- 37 Федотов М. А. Киберпространство как сфера обитания права. Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. 1999. Т. XXXII. № 1. С. 21–30.
- 38 Федотов М. А. Конституция как символ доцифровой эпохи. М., 2003, Электронный ресурс — Режим доступа: https://unescochair.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=237;
- 39 Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016. № 3;
- 40 Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. — 2021.
- 41 Benedek W., Kettemann M. C. Freedom of expression and the internet (Updated and revised 2nd edition) 2020.
- 42 Birnhack Michael. Principle of Private Ordering. — Feb. 2004, Электронный ресурс — Режим доступа: <https://studylib.net/doc/7627259/principle-of-private-ordering>.
- 43 Engel Ch. The Role of Law in the Governance of the Internet // Gemeinschaftsgüter: Recht, Politik und Ökonomie: Preprints aus der Max-Planck-Projektgruppe «Recht der Gemeinschaftsgüter». — Bonn. 2002.
- 44 Major A. M. Norm Origin and Development in Cyberspace: Models of Cybernorm Evolution // Washington University Law Quarterly. Vol. 78. 2000. № 1. P. 59.
- 45 McBride S. Many Voices, One World: Communication Today and Tomorrow. — Paris. UNESCO, 1980.
- 46 McChesney Robert W., Digital Disconnect: How Capitalism is Turning the Internet Against Democracy. — NY. 2013.
- 47 Miroschnichenko Andrey, Man as media. The emancipation of authorship, 2014.
- 48 Thiago Dias Oliva Content Moderation Technologies: Applying Human Rights Standards to Protect Freedom of Expression. // Human Rights Law Review, 2020, 20, 607–640.